ОШО

искусство жить и умирать

OSHO

ВЕСЬ

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)
Искусство жить и умирать

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8511943
Искусство жить и умирать: ИГ «Весь»; Санкт-Петербург; 2014
ISBN 978-5-9573-2674-8

Аннотация

Искусством жить овладел лишь тот, кто избавился от страха смерти. Такова позиция Ошо, и, согласитесь, зерно истины здесь есть: ведь вы не можете наслаждаться жизнью во всей ее полноте, если с опаской смотрите в будущее и боитесь того, что может принести завтрашний день. В этой книге знаменитый мистик рассказывает о таинствах жизни и помогает избавиться от страха смерти – ведь именно это мешает вам раскрыться навстречу жизни. Ошо убежден, что каждую ночь человек умирает «небольшой смертью». Во сне он забывает о мире, об отношениях, о людях – он исчезает из жизни полностью. Но даже эта «крошечная смерть» оживляет: она помогает отдохнуть от происходящего в мире и дает сил и энергии утром, чтобы снова пульсировать жизнью. Такова и настоящая смерть. Так стоит ли ее бояться? Приступайте к чтению – и будьте уверены, что после того, как вы закроете последнюю страницу, ваша жизнь уже не будет прежней! *Книга также выходила под названием «Неведомое путешествие: за пределы последнего табу».*

Содержание

Введение 5
Часть первая 9
В поисках бессмертного 9
Осторожно: верование 21
У смерти много лиц 35
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)

Искусство жить и умирать

OSHO
The Art of Living and Dying
Перевод с английского *И. Потаповой (Ma Prem Puja)*
Оформление обложки *И. В. Орловой*

ОШО является зарегистрированной торговой маркой и используется с разрешения Osho International Foundation. www.osho.com/trademarks

Публикуется на основе Соглашения с Osho International Foundation, Banhofstr/52, 8001 Zurich, Switzerland, www.osho.com

* * *

Введение

Жизнь очень растянута во времени – семьдесят лет, сто лет… Смерть так интенсивна, что вообще не имеет времени – одно-единственное мгновение. Жизни предстоит происходить сто или семьдесят лет, она не может быть столь же интенсивной. Смерть наступает в одно-единственное мгновение; она приходит целиком, не частями. Она будет так интенсивна, что ничего более интенсивного ты не можешь знать. Но если ты испугаешься, если прежде, чем придет смерть, убежишь от нее и из страха станешь бессознательным, то упустишь одну из золотых возможностей, золотые врата. Если же всю жизнь ты был в принятии, то и когда придет смерть, терпеливо, пассивно ты ее позволишь и войдешь в нее без всяких попыток от нее бежать. Если ты сможешь войти в смерть пассивно, в молчании, без всякого усилия, смерть исчезает.

В Упанишадах есть древняя история, которую я всегда любил. Великому королю, которого звали Йайати, исполнилось сто лет. Он жил достаточно; он прожил огромную жизнь. Он наслаждался всем, что только могла предоставить жизнь. Он был одним из величайших королей своего времени. Но эта история прекрасна…

Смерть пришла к Йайати и сказала:

– Готовься. Настало твое время, и я пришла забрать тебя.

Йайати увидел смерть, – а он был великий воин, победивший во многих войнах… – Йайати задрожал и сказал:

– Но еще слишком рано.

– Слишком рано! – сказала Смерть. – Ты прожил сто лет. Даже твои дети состарились. Твоему старшему сыну восемьдесят лет. Что же еще ты хочешь?

У Йайати было сто сыновей, потому что у него было сто жен. Он спросил Смерть:

– Не окажешь ли ты мне услугу? Я знаю, ты должна кого-то взять. Если я смогу убедить одного из своих сыновей уйти вместо меня, не могла бы ты взять его и оставить мне еще сто лет?

Смерть сказала:

– Если кто-то другой готов уйти вместо тебя, это вполне приемлемо. Но не думаю… Если не готов ты сам, ты, отец, проживший дольше и наслаждавшийся жизнью в полной мере, почему должен быть готов твой сын?

Йайати созвал сто своих сыновей. Старшие сыновья промолчали… полное молчание, никто ничего не сказал. Только один, самый младший из сыновей, которому было только шестнадцать лет, встал и сказал:

– Я готов.

Даже Смерти стало жаль этого мальчика, и она сказала ему:

– Может быть, ты слишком невинен. Разве ты не видишь,

что девяносто девять твоих братьев молчат? Кому-то из них восемьдесят лет, кому-то семьдесят, кому-то шестьдесят – они жили – но они все еще хотят жить. А ты еще совсем не жил! Даже мне тебя жаль. Подумай еще.

Юноша ответил:

– Нет, я просто вижу эту ситуацию и абсолютно уверен в своем выборе. Пусть тебе не будет меня жаль, я ухожу вполне осознанно. Я вижу, что если мой отец не удовлетворен своей сотней лет, какой тогда смысл здесь оставаться мне? Как могу быть удовлетворен я? Я вижу девяносто девять моих братьев; никто из них не удовлетворен. Так зачем тратить время впустую? По крайней мере, я могу оказать отцу эту услугу. Пусть он порадуется еще ста годам. Но я все закончил. Видя эту ситуацию, – что никто не удовлетворен, – я могу абсолютно ясно понять только одно: даже если я проживу сто лет, то не буду удовлетворен и тогда. Поэтому неважно, уйду ли я сегодня или через девяносто лет. Возьми меня.

Смерть взяла мальчика. И еще через сто лет она вернулась, и Йайати оказался в таком же положении. Он сказал:

– Эти сто лет прошли слишком скоро. Все мои старые сыновья умерли, но у меня есть еще сто. Я могу дать тебе еще кого-то из сыновей, только пощади меня.

Это продолжалось – история продолжает рассказывать – тысячу лет. Десять раз приходила Смерть. И девять раз она брала одного из сыновей, и Йайати жил еще сто лет. На десятый раз Йайати сказал:

– Хотя я все еще так же не удовлетворен, что и когда ты пришла за мной в первый раз, теперь – хотя и неохотно, невольно – я уйду, потому что не могу продолжать просить об услугах. Это уже слишком. И одно мне стало абсолютно ясно: что если тысяча лет не помогла мне достичь удовлетворения, то не поможет и десять тысяч лет.

Это привязанность. Ты можешь продолжать жить, но если тебя ударяет идея смерти, ты дрожишь. Если же ты ни к чему не привязан, смерть может прийти в это самое мгновение, и ты будешь в очень присутственном настроении. Ты будешь абсолютно готов уйти. Перед таким человеком смерть бессильна. Смерть побеждают лишь те, кто готов умереть в любое мгновение, без малейшей неохоты. Они становятся бессмертными, они становятся буддами.

Эта свобода – цель религиозного поиска.

Свобода от привязанности – это свобода от смерти.

Свобода от привязанности – это свобода от колеса рождения и смерти.

Свобода от привязанности делает тебя способным войти во вселенский свет и стать с ним одним. И это – величайшее благословение, высочайший экстаз, за пределами которого ничего не существует. Ты пришел домой.

Часть первая
За пределы последнего табу

Смерти нельзя преградить путь, просто повторяя, что смерти нет.

Смерть придется узнать, со смертью придется столкнуться, смерть придется прожить.

Вам предстоит с ней познакомиться.

В поисках бессмертного

На самом деле в центре религиозного поиска стоит не Бог – в центре его стоит смерть. Без смерти не было бы вообще никакой религии. Именно смерть заставляет человека исследовать и искать запредельного, бессмертного.

Смерть окружает нас, словно океан – небольшой остров. Остров может в любой момент затопить. Следующее мгновение может никогда не прийти, завтра может никогда не наступить. Животные не религиозны по той простой причине, что не осознают смерти. Они не могут представить себя умирающими, хотя видят, как умирают другие животные. Квантовый скачок отделяет видение того, что умирает кто-то другой, от заключения: «Я тоже умру». Животные недостаточно пробуждены и осознанны, чтобы прийти к такому заключе-

нию.

И большинство человеческих существ – тоже недочеловеческие. Человек достигает настоящей зрелости, когда приходит к заключению: «Если смерть происходит со всеми остальными, значит, не могу быть исключением и я». Как только это заключение глубоко просачивается в сердце, твоя жизнь никогда больше не будет прежней. Ты не можешь прежним образом оставаться привязанным к жизни. Если она будет отнята, какой смысл так собственнически к ней относиться? Если однажды она исчезнет, зачем так цепляться и страдать? Если жизнь не останется навсегда, зачем тогда столько боли, страдания и тревоги? Если ее не станет, ее не станет – неважно, когда. Тогда время не так важно – сегодня, завтра, послезавтра, но жизнь ускользнет из твоих рук.

В тот день, когда ты осознаешь, что тебе предстоит умереть, что смерть абсолютно определенна… фактически, единственная определенная вещь в жизни – это смерть. Ни в чем другом нельзя быть абсолютно уверенным. Но, так или иначе, мы постоянно избегаем этого вопроса, этого вопроса смерти. Мы продолжаем удерживать себя в занятости другими вещами. Иногда мы говорим о великих материях – о Боге, рае и аде, но лишь для того, чтобы избежать *настоящего* вопроса. Настоящий вопрос – не о Боге и не может быть о Боге, потому что… каким образом ты знаком с Богом? Что ты знаешь о Боге? Как ты можешь спрашивать о чем-то, что абсолютно тебе неизвестно? Это будет пустой вопрос. Он бу-

дет задан, самое большее, из любопытства, он будет детским, инфантильным, глупым.

Глупые люди спрашивают о Боге, разумный человек спрашивает о смерти. Люди, которые продолжают спрашивать о Боге, никогда не находят Бога, а человек, который спрашивает о смерти, обязательно найдет – потому что именно смерть трансформирует, изменяет видение. Сознание обостряется, потому что ты поднял настоящий вопрос, подлинный вопрос, самый важный вопрос в жизни. Ты создал такой великий вызов, что не можешь долго оставаться спящим; тебе придется проснуться и быть достаточно бдительным, чтобы столкнуться с реальностью смерти.

Именно так начался поиск Гаутамы Будды.

В тот день, когда Будда родился… он был сыном великого короля, и единственным сыном, который родился, когда король был стар, очень стар; поэтому его рождение было великой радостью в королевстве. Люди долго его ждали. Люди очень любили этого короля; он им служил, он был добрым и сострадательным, он был очень любящим и щедрым. Он сделал свое королевство одним из самых процветающих, очаровательных королевств того времени.

Люди молились о том, чтобы у короля родился сын, потому что у него не было наследника. И тогда, в старости короля, родился Будда – его рождение было неожиданным. Великое празднование, огромная радость! Все астрологи королевства собрались, чтобы сделать предсказание о Будде.

Его имя было Сиддхартха – ему дали это имя, Сиддхартха, потому что это значит «осуществление». Король был осуществлен, его желание было осуществлено, его глубочайшая жажда была осуществлена – он хотел сына, он хотел сына всю жизнь; поэтому его назвали «Сиддхартхой». Это просто означает «осуществление глубочайшего желания».

Сын сделал жизнь короля осмысленной, значительной. Астрологи, великие астрологи, составили предсказание – все они согласились друг с другом, кроме одного молодого астролога. Его звали Коданна. Король спросил:

– Что случится в жизни моего сына?

И все астрологи подняли два пальца, кроме Коданны, который поднял один палец. Король сказал:

– Пожалуйста, не говорите символами – я простой человек, я ничего не знаю об астрологии. Расскажите мне, что подразумевается под поднятием двух пальцев?

И все они сказали:

– Либо он станет *чакравартином* – правителем мира, либо отречется от мира и станет буддой, просветленным человеком. Есть эти две возможности, поэтому мы поднимаем два пальца.

Король тревожился о второй возможности – что он отречется от мира: «Снова проблема: кто тогда унаследует мое королевство, если он отречется от мира?» И он спросил Коданну:

– Почему ты поднял один палец?

– Я абсолютно уверен, что он отречется от мира, – сказал Коданна, – что он станет буддой, просветленным, пробужденным.

Король был недоволен Коданной. Правду принять очень трудно. Он проигнорировал Коданну; Коданна не получил никакой награды – правда в этом мире не вознаграждается. Напротив, правду тысячей и одним способом наказывают. Фактически, после этого дня престиж Коданны упал. Поскольку он не получил награды от короля, распространился слух, что он дурак. Когда все астрологи сошлись во мнении, он был единственным, кто не согласился.

Король спросил других астрологов:

– Что вы предлагаете? Что я должен сделать, чтобы он не отрекся от мира? Мне бы не хотелось, чтобы он был нищим, мне бы не хотелось видеть его санньясином. Я бы хотел, чтобы он стал чакравартином – правителем шести континентов.

Это амбиция всех родителей. Кто хочет, чтобы его сын или дочь отреклись от мира и стали жить в горах, вошли в собственную субъективность, исследовали и искали свое существо?

Наши желания экстравертны. Этот король был обычным человеком, точно таким, как и любой другой – с такими же желаниями и такими же амбициями. Астрологи сказали:

– Это можно устроить: дай ему все удовольствия, которые только возможны, окружи его таким комфортом и роскошью, какие только в человеческих силах. Не позволяй ему

знать ничего о болезни, старости и особенно о смерти. Не позволяй ему узнать о смерти, и он никогда не отречется.

Они были по-своему правы, потому что смерть – центральный вопрос. Как только он возникает у тебя в сердце, твой образ жизни обязательно изменится. Ты не можешь продолжать жить прежним, глупым образом. Если эта жизнь закончится смертью, эта жизнь не может быть настоящей жизнью; тогда эта жизнь – только иллюзия. Истина, чтобы быть истиной, должна быть вечной – преходящей может быть только ложь. Если жизнь преходяща, тогда, должно быть, это иллюзия, ложь, недоразумение, непонимание; значит, наверное, в чем-то наша жизнь укоренена в невежестве. Мы, должно быть, живем таким образом, что эта жизнь приходит к концу.

Мы можем жить по-другому, чтобы стать частью вечного потока существования. Такой радикальный поворот может дать только смерть.

Поэтому астрологи сказали:

– Пожалуйста, не позволяй ему ничего знать о смерти.

И король принял все меры. Он построил для Сиддхартхи три дворца в разных местностях для каждого из времен года, чтобы он ни в какое время года не испытывал неудобств. Когда было жарко, у него был дворец в определенном месте на холмах, где было всегда прохладно. Когда было слишком холодно, у него был другой дворец у реки, где было всегда тепло. Король принял все меры, чтобы он никогда не испы-

тывал никаких неудобств.

Ни одному старику или старухе не разрешалось входить в дворцы, в которых он жил, – только молодым людям. Он собрал вокруг него всех молодых красивых женщин королевства, чтобы он всегда оставался очарованным и увлеченным, чтобы он всегда оставался в мечтах, желаниях. Для него был создан очаровательный мир мечтаний. Садовникам говорили ночью убирать все мертвые листья; увядающие, засыхающие цветы убирали ночью – потому что, кто знает? – при виде мертвого листа он может спросить, что случилось с этим листом, и может возникнуть вопрос о смерти. При виде увядающей розы, ее опадающих лепестков, он может спросить: «Что случилось с этой розой?», и начать размышлять, медитировать о смерти.

Он абсолютно не осознавал смерти до двадцати девяти лет. Но долго ли можно избегать? Смерть такое важное явление – долго ли можно обманывать? Рано или поздно он должен был выйти в мир. Теперь король был уже очень стар, и его сын должен был знать пути мира, и мало-помалу ему стали разрешать выходить наружу, но каждый раз, когда он проезжал по улицам столицы, стариков и старух прогоняли, нищих удаляли. Ни одному санньясину, ни одному монаху не давали появляться в его поле зрения, пока он проезжал по городу, потому что при виде санньясина он мог подумать: «Что это за человек? Почему он одет в оранжевое? Что с ним случилось? Почему он выглядит другим, непривязан-

ным, отстраненным? У него другие глаза, у него другой аромат, у его присутствия есть другое качество. Что случилось с этим человеком?» И тогда – вопрос об отречении, и, по сути, вопрос смерти… Но однажды это должно было случиться. Этого нельзя избежать.

Мы делаем то же самое: если кто-то умирает, и мимо идет похоронная процессия, мать тащит ребенка в дом и закрывает дверь.

Эта история очень значительна, символична, типична. Никакие родители не хотят, чтобы их дети знали о смерти, потому что тогда они тут же начнут задавать неудобные вопросы. Именно поэтому мы строим кладбища вне городов, чтобы никому не нужно было туда ходить. Смерть – это центральный факт; кладбище должно быть прямо в центре города, чтобы каждый ходил мимо него много раз в день. По дороге в контору, возвращаясь домой, по дороге в школу, колледж, возвращаясь домой, по дороге на фабрику… чтобы человек снова и снова получал напоминание о смерти. Но мы хотим убрать кладбище за город, хотим сделать кладбище очень привлекательным, украшая его цветами, деревьями. Мы пытаемся скрыть смерть – особенно на Западе, где смерть табуирована. Точно так же, как табуирован был секс, теперь табуирована смерть.

Смерть – это последнее табу.

Нужен кто-то, подобный Зигмунду Фрейду, – такой Зигмунд Фрейд, который сможет снова принести в мир смерть,

кто сможет показать людям явление смерти.

Когда на Западе человек умирает, его тело украшают, моют, ароматизируют, подкрашивают. Теперь есть профи, которые делают всю эту работу. И если вы увидите мертвого мужчину или мертвую женщину, вы удивитесь – они выглядят гораздо красивее, чем были при жизни! Раскрашенные, щеки с румянцем, лицо ясное; человек кажется крепко спящим, в спокойном и тихом состоянии.

Мы сами себя обманываем! Мы обманываем не его, его больше нет. Нет никого, только мертвое тело, труп. Но мы обманываем себя, раскрашивая его лицо, украшая венками его тело, надевая на него красивую одежду, перевозя его тело в красивой машине, создавая большое шествие и восхищаясь человеком, который умер. Им никогда не восхищались, пока он был жив, но теперь никто его не критикует, все его хвалят.

Мы пытаемся обмануть самих себя; мы делаем смерть как можно красивее, чтобы этот вопрос никогда не возникал. И мы продолжаем жить в иллюзии, что умирает всегда кто-то другой, – очевидно, ты не видишь собственной смерти, ты всегда видишь, что умирает кто-то другой. Логическое заключение – умирает всегда кто-то другой, так о чем беспокоиться? Ты кажешься исключением, Бог создал для тебя специальные правила.

Помни, никто не исключение. Будда говорит: *Эс дхаммо санантано* – только один закон правит всем, вечный закон.

Что бы ни случилось с муравьем, это же случится и со слоном, и что бы ни случилось с нищим, это случится и с императором. Бедный или богатый, невежественный или знающий, грешник или святой, закон не различает – закон очень справедлив.

И смерть очень коммунистична – она уравнивает людей. Она не обращает внимания на то, кто ты такой. Она никогда не смотрит на страницы опубликованных книг, не читает «Кто Есть Кто». Она никогда не беспокоится о том, бродяга ты или Александр Великий.

Однажды Гаутама Сиддхартха Будда *должен* был осознать, и он осознал. Он собирался участвовать в празднике молодежи; он должен был его открыть. Принц, конечно, должен был открывать ежегодный праздник молодежи. Это был прекрасный вечер; вся молодежь королевства собралась, чтобы танцевать, петь и веселиться всю ночь. Первый день года – празднование ночь напролет. И Сиддхартха должен был его открыть.

По пути с ним случилось то, чего так боялся его отец: он встретил и увидел все эти вещи. Сначала он увидел больного, свой первый опыт болезни. Он спросил:

– Что случилось?

Эта история очень красива. Она говорит, что возница собирался солгать, но развоплощенная душа вселилась в него и принудила сказать правду. Ему пришлось сказать, вопреки самому себе:

– Этот человек болен.

И Будда тотчас же задал разумный вопрос:

– Значит, я тоже могу заболеть?

Возница снова собирался солгать, но душа Бога, просветленная душа, заставила его сказать:

– Да.

Возница был сам озадачен, потому что собирался ответить отрицательно, но его уста произнесли:

– Да, ты тоже заболеешь.

Им встретился старик – и те же вопросы… Тогда им встретилась процессия, несущая мертвое тело в крематорий, и тот же вопрос… и когда Будда увидел мертвое тело, он сказал:

– Я тоже однажды умру?

И возница ответил:

– Да, господин. Никто не исключение. Мне жаль это говорить, но никто не исключение – даже ты умрешь.

Будда сказал:

– Тогда поворачивай колесницу. Ехать на праздник молодежи бессмысленно. Я уже заболел, я уже состарился, я уже на пороге смерти. Если однажды я умру, тогда какой смысл во всей этой чепухе? – жить и ждать смерти. Прежде чем она придет, я хотел бы знать то, что никогда не умирает. Теперь я посвящу всю свою жизнь поискам чего-то бессмертного. Если есть что-то бессмертное, тогда единственной важной вещью в жизни может быть поиск этого.

И пока он это говорил, он увидел четвертую картину – санньясина, монаха, одетого в оранжевое, идущего очень медитативно. И Будда спросил:

– Что случилось с этим человеком?

И возница ответил:

– Господин, именно об этом ты думаешь. Этот человек увидел, что происходит смерть, и отправился на поиски бессмертного.

В тот же вечер Будда отрекся от мира; он покинул дом в поисках бессмертного, в поисках истины.

Смерть – самый важный вопрос в жизни. И те, кто принимает вызов смерти, – вознаграждены безмерно.

Если ты веришь, то одновременно и не веришь. Никто не может верить, одновременно не «неверя». Пусть это будет установлено раз и навсегда: никто не может верить без неверия. Каждое верование – это прикрытие для неверия.

Осторожно: верование

Верование – только периферия центра, который называется сомнением; поскольку есть сомнение, вы создаете верование. Сомнение ранит, оно подобно ране, оно причиняет боль. Поскольку сомнение подобно ране, оно болит; оно заставляет вас чувствовать внутреннюю пустоту, внутреннее невежество. Вам хочется чем-то его прикрыть. Но прикрывать рану цветком розы – думаете ли вы, что это поможет? Думаете ли вы, что роза поможет ране исчезнуть? Как раз наоборот! Рано или поздно роза начнет пахнуть раной. Рана не исчезнет из-за розы; фактически, роза исчезнет из-за раны.

И тебе, может быть, удастся обмануть кого-то другого, кто смотрит снаружи, – может быть, соседи подумают, что это не рана, а роза – но как ты обманешь самого себя? Это невозможно. Никто не может обмануть самого себя; где-то глубоко внутри ты будешь знать, обязательно будешь знать, что рана существует, и ты скрываешь ее за розой. И ты знаешь, что роза произвольна: она не выросла в тебе, ты сорвал ее снаружи, пока внутри тебя росла рана; ее ты не сорвал снаружи.

Ребенок приносит с собой сомнение – внутреннее сомнение, это естественно. Именно из-за сомнения он исследует, и именно из-за сомнения он задает вопросы. Пойдите с ре-

бенком утром на прогулку в лес, и он так надоест вам вопросами, что захочется сказать ему: «Заткнись!» Но он продолжает спрашивать.

Откуда берутся все эти вопросы? Они естественны для ребенка. Сомнение – это внутренний потенциал; это единственный путь, которым ребенок сможет исследовать, открывать и искать. В этом нет ничего неправильного. Это естественно, и это нужно принять и уважать. Ваши священники лгали вам, что в сомнении есть что-то неправильное. В нем нет ничего неправильного. Оно естественно, и его нужно принимать и уважать. Если вы относитесь к сомнению уважительно, это больше не рана; если вы отвергаете его, оно становится раной.

Пусть это будет очень ясно: само по себе сомнение – это не рана. Это огромная помощь, потому что это делает тебя искателем приключений, исследователем. Оно приведет тебя к самой дальней звезде в поисках истины, оно сделает тебя паломником. В том, чтобы сомневаться, нет ничего нездорового. Сомнение красиво, сомнение невинно, сомнение естественно. Но священники осуждали его веками. Из-за их осуждения сомнение, которое могло стать цветением доверия, стало зловонной раной. Осудите что угодно, и это становится раной, отвергните что угодно, и это становится раной.

Мое учение состоит в том, что первое, что нужно сделать, – это не пытаться верить. Почему? Потому что, если

есть сомнение, есть сомнение! Не нужно его скрывать. Фактически, позвольте его, помогите ему, пусть оно станет великим поиском. Пусть оно станет тысячей и одним вопросом – и в конце концов вы увидите, что важны не вопросы, а вопросительный знак! Сомнение – это не поиск верования; сомнение – это просто поиск на ощупь в тайне, совершение всех возможных усилий, чтобы понять непостижимое для понимания, чтобы постичь непостижимое – попытка поиска ощупью.

И если ты продолжаешь искать, исследовать, не набивая себя заимствованными верованиями, случатся две вещи. Одна: ты никогда не будешь испытывать неверия. Помни, сомнение и неверие не синонимичны. Неверие происходит, только если ты уже веришь, если ты уже обманул себя и других. Неверие приходит, только если уже вошло верование; это тень верования.

Все верующие одновременно и неверующие – они могут быть индуистами, они могут быть христианами, они могут быть джайнами. Я знаю их всех! Все верующие одновременно и неверующие, потому что верование приносит неверие, это тень верования. Можешь ли ты верить, одновременно не испытывая неверия? Это невозможно; этого нельзя сделать по природе вещей. Если ты хочешь испытать неверие, первое требование – верить. Можешь ли ты верить без того, чтобы сколько-то неверия не вошло через черный ход? Или, можешь ли ты испытывать неверие без того, чтобы, прежде все-

го, не верить? Верь в Бога, и тут же входит неверие. Верь в жизнь после смерти, и возникает неверие. Неверие вторично, верование первично. Но миллионы людей в мире хотят только верования – они не хотят неверия. Я не могу помочь, никто не может помочь. Если тебя интересует только верование, придется и страдать от неверия. Ты будешь оставаться разделенным, ты будешь оставаться расщепленным, ты будешь оставаться шизофреничным. Ты не сможешь чувствовать органического единства; ты сам преградил дорогу тому, чтобы это произошло.

Каково мое предложение? Прежде всего, отбросьте верование. Пусть верования будут отброшены, это мусор! Доверяй сомнению, вот мое предложение; не пытайся скрывать его. Доверяй сомнению. Это первое, что нужно принести в твое существо, – доверяй сомнению и посмотри, как красиво, как красиво вошло доверие.

Я не говорю верить, я говорю доверять. Сомнение – это естественный дар; должно быть, оно от Бога – откуда еще оно могло взяться? Ты можешь принести с собой сомнение – доверяй ему, доверяй своим вопросам и не торопись набивать и скрывать его верованиями, заимствованными снаружи, пришедшим от родителей, от священников, от политиков, от общества, от церкви. Твое сомнение – нечто красивое, потому что оно твое; это нечто красивое, потому что оно подлинно. Из подлинного сомнения однажды вырастет цветок подлинного доверия. Это будет внутренний рост, это

не будет навязанным снаружи.

В этом разница между верованием и доверием: доверие растет внутри тебя, в твоей внутренности, в твоей субъективности. Доверие настолько же внутренне, что и сомнение. И только внутреннее может трансформировать внутреннее. Верование снаружи; оно не может помочь, потому что не может достичь глубочайшего ядра твоего существа, а сомнение именно там.

Откуда начать? Доверяй своему сомнению. Это мой способ внести доверие. Не верь в Бога, не верь в душу, не верь в жизнь после смерти. Доверяй своему сомнению, и тотчас же начнется разговор. Доверие – это такая мощная сила, что даже если ты доверяешь своему сомнению, то тем самым вносишь свет. А сомнение подобно темноте. Это маленькое доверие к сомнению начнет изменять твой внутренний мир, внутренний пейзаж.

И задавай вопросы! Чего бояться? Зачем быть таким трусом? Оспаривай, подвергай сомнению – подвергай сомнению всех будд, подвергай сомнению меня, потому что, если есть истина, истина не побоится твоих вопросов. Если будды истинны, они истинны; тебе не нужно в них верить. Продолжай в них сомневаться… и все же однажды ты увидишь, что возникло доверие.

Если ты сомневаешься и продолжаешь сомневаться до самого конца, до самого логического конца, рано или поздно ты наткнешься на истину. Сомневаться значит блуждать

ощупью в темноте, но дверь существует. Если Будда мог выйти в дверь, если Иисус мог до нее добраться, если я мог до нее добраться, почему не можешь ты? Каждый способен найти дверь – но ты боишься искать ощупью, поэтому ты сидишь в темном углу и веришь в кого-то, кто нашел дверь. Ты не видел этого кого-то, ты слышал о нем от других, и так далее, так далее.

Каким образом ты веришь в Иисуса? Почему? Ты же не видел Иисуса! И даже если бы ты его видел, то упустил бы. В тот день, когда он был распят, тысячи собрались, чтобы на него посмотреть, и ты знаешь, что они делали? Они плевали ему в лицо! Может быть, ты был в этой толпе, потому что толпы совершенно ничем не отличаются друг от друга. Человек не изменился.

Теперь улучшились дороги и транспортные средства, чтобы перевозить вас с одного места на другое, великая технология – человек высадился на Луне – но человек не изменился. Именно поэтому многие из вас, наверное, были в той толпе, которая плевала в Иисуса. Вы не изменились. Как вы можете верить в Иисуса? Вы плевали ему в лицо, когда он был жив, а теперь верите в него, через две тысячи лет? Это просто отчаянная попытка скрыть сомнение. Почему вы верите в Иисуса?

Если одну вещь выбросить из истории Иисуса, все христианство исчезнет. Если одну вещь, одну только вещь, явление воскресения – то, что Иисус вернулся, после того как

был распят и три дня был мертв, – если эту часть отбросить, все христианство исчезнет. Вы верите в Иисуса, потому что боитесь смерти, и он кажется единственным человеком, который вернулся, который победил смерть.

Христианство стало величайшей в мире религией. Буддизм не стал такой великой религией, и по той простой причине, что страх смерти помогает людям верить в Иисуса более, чем в Будду. Фактически, чтобы верить в Будду, нужно иметь мужество, потому что Будда говорит: «Я учу вас тотальной смерти». Эта небольшая смерть – он ею не удовлетворен. Он говорит: эта небольшая смерть не подойдет, вы вернетесь снова. Я учу *тотальной* смерти, предельной смерти. Я учу полному уничтожению, чтобы вы никогда больше не пришли, чтобы вы исчезли, чтобы вы растворились в существовании, чтобы вы больше не существовали; от вас не останется и следа.

В Индии Будда исчез, совершенно исчез. Такая великая, так называемая религиозная страна, а буддизм исчез полностью. Почему? Люди верят в религии, которые учат, что вы будете жить после смерти, что душа бессмертна. Будда говорил, что единственное, что стоит осознать, – это что вас нет. Буддизм не смог выжить в Индии, потому что не давал прикрытия этому вашему страху.

Будда не говорил людям: «Верьте в меня». Поэтому его учение исчезло из Индии – люди хотят верить. Люди не хотят истины, они хотят верования.

Верование дешево, истина опасна, тяжела, трудна; человек должен за нее заплатить. Человек должен искать и исследовать, и нет гарантии, что она найдется, нет гарантии, что вообще есть какая-то истина. Ее может вообще не существовать.

Люди хотят верования – а Будда сказал, его последним посланием людям было: «*Анпо дипо бхава*» – «Будь светом самому себе». Его ученики плакали, десять тысяч санньясинов окружали его… конечно, они были грустны, и падали слезы; их мастер уходил. И Будда им сказал:

– Не плачьте. Почему вы плачете?

Один из его учеников, Ананда, ответил:

– Потому что ты покидаешь нас, потому что ты был нашей единственной надеждой, потому что мы надеялись, и надеялись так долго, что через тебя достигнем истины.

И тогда в ответ Ананде Будда сказал:

– Не волнуйся об этом. Я не могу дать тебе истины; никто другой не может тебе ее дать, она непередаваема. Но ты можешь достичь ее сам. Будь светом самому себе.

Мой подход такой же. Вам не нужно в меня верить. Я не хочу здесь верующих, я хочу искателей, а искатель – это совершенно другое явление. Верующий – не искатель. Верующий не хочет искать, и именно поэтому верит. Верующий хочет избежать поиска, именно поэтому он верит. Верующий хочет быть избавленным, спасенным, ему нужен спаситель. Он всегда находится в поиске мессии – кого-то, кто может

есть за него, жевать за него, переваривать за него. Но если я ем, это не утолит вашего голода. Никто не может вас спасти, кроме вас самих.

Мне здесь нужны искатели, исследователи, не верующие. Верующие – самые посредственные люди в мире, люди самого низкого в мире разума. Поэтому забудьте о веровании; вы создаете для себя трудности. Начните верить в меня, и появится неверие – обязательно появится, потому что я здесь не для того, чтобы соответствовать вашим ожиданиям.

Я живу по-своему, я на вас не смотрю. Я ни на кого не смотрю – потому что, если начать смотреть на других, нельзя прожить свою жизнь подлинно. Смотрите на других, и вы станете фальшивыми.

Георгий Гурджиев часто говорил своим ученикам одну из самых фундаментальных вещей:

– Не смотрите на других, иначе вы никогда не будете расти.

И именно это происходит во всем мире, каждый смотрит на других:

– Что подумает моя мать? Что подумает мой отец? Что подумает общество? Что подумает моя жена, мой муж?..

Что говорить о родителях – даже родители боятся детей! Они думают:

– Что подумают наши дети?

Люди смотрят друг на друга – а смотреть приходится на миллионы людей. Если ты будешь продолжать смотреть на

всех и каждого, то никогда не будешь индивидуальностью, ты будешь просто шалтай-болтай. Живя в таком количестве компромиссов, ты давно совершил бы самоубийство.

Говорят, что люди умирают в тридцать лет, а хоронят их в семьдесят. Смерть происходит очень рано – я думаю, даже говорить о тридцати годах неправильно, смерть происходит еще раньше. Где-то около двадцати одного года, когда закон признает тебя гражданином – в этот момент человек умирает. Фактически, именно поэтому тебя и признают гражданином: теперь ты больше не опасен, теперь ты больше не дикий, теперь ты больше не сырой. Теперь все в тебе вставлено правильно, укреплено правильно; теперь ты подстроился под общество. Именно это подразумевается, когда нация дает тебе право голосовать: нация может быть уверена, что теперь твой разум разрушен – ты можешь голосовать. Ты не вызываешь никакого страха; ты гражданин, цивилизованный человек. Ты больше не человек, ты гражданин.

Вот мое собственное наблюдение: люди умирают в возрасте около двадцати одного года. Все, что происходит потом, – посмертное существование. На могилах мы должны начать писать три даты: рождение, смерть и посмертная смерть.

Умным называют человека, который умеет находить выход из трудностей, а мудрым – того, кто знает, как в них никогда не попадать. Будьте мудрыми. Почему не обрубить сам корень? Не верьте. И тогда не будет вопроса о неверии, и

раздвоенность никогда не возникнет, и вам не нужно будет искать из нее выхода. Пожалуйста, не входите в нее.

* * *

Истина индивидуальна; толпа не заботится об истине. Толпа заботится о сплоченности; толпа заботится об удобстве. Толпа не состоит из исследователей, искателей приключений, людей, желающих двигаться в неизвестное, без страха – рискнуть всей жизнью, чтобы найти смысл и значение их жизней и жизни всего существования. Толпа просто хочет, чтобы ей говорили вещи, которые приятно слышать, комфортные и удобные. Без всякого усилия со своей стороны, толпа хочет расслабиться в этой утешительной лжи.

Это случилось, когда я в последний раз приехал в свой родной город в 1970 году. Один из моих старых учителей, с которым у меня всегда были очень теплые отношения, был на смертном одре, и первое, что я сделал, это пришел к нему.

Меня встретил его сын и сказал:

– Пожалуйста, не беспокой его. Он уже на пороге смерти. Он тебя любит, он тебя вспоминал, но мы знаем, что твое присутствие отнимет у него утешение. А в момент смерти мы не хотим этого с ним делать.

Я сказал:

– Если бы это не был момент смерти, я послушался бы

твоего совета, но я должен его увидеть. Даже если он отбросит ложь и утешения перед самой смертью, его смерть будет иметь гораздо большую ценность, чем вся предыдущая жизнь.

Я оттолкнул сына с дороги. Я вошел в дом. Старик открыл глаза, улыбнулся и сказал:

– Я вспоминал тебя и в то же время боялся. Я слышал, что ты приехал в город, и думал, что, может быть, прежде чем мне умереть, я смогу еще раз тебя увидеть. Но в то же время мне было очень страшно, потому что встретиться с тобой может быть опасно!

– Это, несомненно, опасно, – сказал я. – Я пришел как раз вовремя. Я хочу отнять все твои утешения, прежде чем ты умрешь. Если ты сможешь умереть невинно, в твоей смерти будет огромная ценность. Отложи в сторону знание, потому что все оно заимствованно. Отложи в сторону своего Бога, потому что это только верование и ничего больше. Отложи в сторону все свои идеи о рае и аде, потому что это только твои страх и жадность. Всю жизнь ты постоянно цеплялся за эти вещи. По крайней мере, прежде чем умереть, наберись храбрости – теперь тебе нечего терять!

Умирающему человеку нечего терять: смерть разобьет все. Лучше отбросить утешения собственной рукой и умереть невинно, полным удивления и вопрошания, потому что смерть – это предельный опыт в жизни. Это сама ее кульминация.

Старик сказал:

– Ты просишь меня именно о том, чего я боялся. Я поклонялся Богу всю жизнь, и я знаю, что это только гипотеза – я никогда не переживал его. Я молился небесам и знаю, что ни на одну молитву никогда не было ответа; ни одного ответа нет. Но это утешало меня в страданиях и тревогах жизни. Что еще делать беспомощному человеку?

Я сказал:

– Теперь ты больше не беспомощен, теперь нет речи ни о какой тревоге, страдании и проблемах; они принадлежат жизни. Теперь жизнь ускользает у тебя из рук; может быть, ты помедлишь на этом берегу еще несколько минут. Наберись храбрости! Не встречай смерть, как трус.

Он закрыл глаза и сказал:

– Я сделаю, что только смогу.

Собралась вся его семья; все они были злы на меня. Они были браминами высокой касты, очень ортодоксальными, и не могли поверить, что старик согласился со мной. Смерть была таким потрясением, что разбила в нем все ложное.

В жизни ты можешь продолжать верить в ложь, но в смерти прекрасно знаешь, что лодки, сделанные из бумаги, не помогут в океане. Лучше знать, что тебе придется плыть, и никакой лодки нет. Цепляться за бумажную лодку опасно; это может помешать плыть. Вместо того чтобы перевезти на другой берег, она может тебя утопить.

Все они были злы на меня, но не могли ничего сказать.

Старик, закрыв глаза, улыбнулся и сказал:

– Очень жаль, что я никогда тебя не слушал. Я чувствую такую легкость и освобождение от бремени. Я чувствую себя таким бесстрашным; во мне не только нет страха, но даже любопытно умереть и увидеть тайну смерти.

Он умер, и у него на лице осталась улыбка.

У смерти много лиц

Вистории человеческого ума можно найти три выражения смерти. Одно – выражение обычного человека, который живет привязанным к телу, который никогда не знает ничего большего, чем удовольствие еды или секса, вся жизнь которого была не более чем едой и сексом; который наслаждался едой, наслаждался сексом, и его жизнь была очень примитивна; его жизнь была очень груба, и он жил на задворках своего дворца, никогда не входя в него, и думал, что в жизни больше ничего нет. В момент смерти он попытается цепляться. Он будет сопротивляться смерти и бороться со смертью. Смерть придет как враг.

Поэтому все общества в мире изображали смерть как что-то темное и дьявольское. В Индии говорят, что посланец смерти очень уродлив – темный, черный, и что он приходит, сидя на очень большом безобразном буйволе.

Это обычный подход. Эти люди упустили; они не смогли узнать всех измерений жизни. Они не смогли коснуться глубин жизни, не смогли долететь до высот жизни. Они упустили ее многообразие и благословение.

Затем есть второй вид выражения. Поэты и философы иногда говорили, что в смерти нет ничего плохого, что в смерти нет ничего злого; это просто отдых – полный отдых, почти как сон. Этот подход лучше первого. По крайней ме-

ре, эти люди познали что-то за пределами тела, они познали что-то от не-ума. У них были не только еда и секс; вся их жизнь была не только поглощением пищи и воспроизведением. У них есть некоторая утонченность души; они немного более аристократичны и культурны. Они говорят, что смерть подобна великому отдыху; человек устает, входит в смерть и отдыхает. Она приносит отдых. Но и они далеки от истины.

Те, кто познал жизнь в ее глубочайшей сердцевине, говорят, что смерть божественна. Это не только отдых, но и воскресение, новая жизнь и новое начало; открывается новая дверь.

Когда суфийский мистик, Баязид, умирал, люди, которые собрались вокруг него, – его ученики – внезапно были удивлены, потому что, когда пришел его последний момент, он стал сияющим, ярко сияющим. У него была прекрасная аура. Баязид был красивым человеком, и его ученики всегда чувствовали ауру вокруг него, но никогда не видели ничего подобного. Такой сияющий!

Они спросили:

– Баязид, скажи нам, что с тобой случилось. Что с тобой происходит? Прежде чем уйти, дай нам свое последнее послание.

Он открыл глаза и сказал:

– Бог приветствует меня. Я иду в его объятия. До свидания!

Он закрыл глаза, и его дыхание прекратилось. Но в тот

момент, когда его дыхание прекратилось, произошел взрыв света. Комната наполнилась светом, потом свет исчез.

Если человек узнал трансцендентальное в себе, смерть – не что иное, как еще одно лицо божественного. Тогда в смерти есть танец.

* * *

Иллюзия смерти – это социальное явление. Это нужно рассмотреть немного подробнее.

Ты видишь, что человек умирает, и думаешь, что он умер. Так как ты сам не умер, у тебя нет права думать таким образом. Очень глупо с твоей стороны заключать, что этот человек умер. Вот все, что тебе следовало бы сказать:

– Я не могу определить, тот ли это самый человек, и остался ли он таким же, как я знал его раньше.

Если сказать больше, это опасно, и это пересекает границы достоверности.

Вот все, что следовало бы сказать:

– До вчерашнего дня этот человек говорил, теперь он больше не говорит. Раньше он ходил, теперь он больше не ходит. Того, что я до вчерашнего дня понимал как его жизнь, больше не существует. Если есть какая-то жизнь за пределами этого, тогда пусть так и будет; если ее нет, да будет так.

Но говорить, что «этот человек умер», значит заходить немного слишком далеко; это значит уходить за пределы

действительного. Следовало бы просто сказать: «Этого человека больше нет среди живых». В том смысле, в котором человек знал, что у кого-то есть жизнь, ее больше нет.

Такого рода негативное утверждение справедливо: того, что мы знали как его жизнь – его борьбы, любви, еды и питья, – больше нет, но говорить, что этот человек мертв, значит делать очень позитивное утверждение. Мы не просто говорим, что того, кто присутствовал в этом человеке, больше нет, мы говорим, что случилось нечто большее и превышающее это: этот человек мертв. Мы говорим также, что случилось явление смерти. Может быть справедливым, если мы скажем, что вещи, которые происходили вокруг этого человека, больше не происходят. Мы говорим не только это, но и то, что к этому добавлено новое явление: этот человек тоже мертв.

Мы, те, кто не мертв, мы, те, кто ничего не знает о смерти, окружающая человека толпа, объявляем его мертвым! Толпа определяет смерть человека, даже не спрашивая его, даже не давая ему в этом права голоса! Это все равно что одностороннее решение в суде; вторая сторона отсутствует. У этого бедняги не было даже шанса сказать, действительно ли он мертв. Вы понимаете, что я имею в виду?

Смерть – это социальная иллюзия. Это не иллюзия этого человека. По сути дела, мы чувствуем внешне, что он мертв, но это социальное определение, которое неправильно. В этом случае явление смерти определяется теми, кто

для этого не квалифицирован. Никто в толпе не может быть правомочным свидетелем, потому что никто на самом деле не видел, как этот человек умирал. Никто не видел этого человека умирающим! Никто никогда не был свидетелем акта смерти. Все, что мы знаем, это что до определенного момента человек был жив, и теперь он больше не жив. Вот и все; дальше этого стена. До сих пор никто никогда не видел явления смерти.

Человек, который никогда не воспринимал в своей жизни ничего большего, чем еду, питье, сон, движение, ссоры, любовь, дружбу и вражду, – внезапно, в момент смерти он находит, что жизнь просачивается у него между пальцами. То, что он понимал под жизнью, совершенно не было жизнью. Были просто действия, видимые в свете жизни. Подобно тому, как объекты видны на свету, человек, в определенном смысле, видел определенные вещи, когда внутри него было светло. Он принимал пищу, заводил друзей и врагов, строил дома, зарабатывал деньги и добивался высоких постов – все эти вещи были видны в свете жизни. Теперь, в момент смерти, он находит, что они ускользают от него.

Поэтому теперь человек думает, что его вот-вот не станет, что он умирает, и жизнь потеряна навсегда. Раньше он видел, как умирают другие люди, и социальная иллюзия смерти застряла и у него в уме. И он чувствует, что умирает. Это его заключение – тоже часть социальной иллюзии. Он начинает чувствовать, что умирает точно так же, как другие умирали

до него.

Он видит себя окруженным любимыми, семьей и родственниками, и они горько плачут. Теперь его иллюзия начинает подтверждаться. Все это оказывает на него гипнотический эффект. Все эти люди… – ситуация просто идеальна – …доктор у постели, кислород наготове, вся атмосфера в доме изменилась, люди в слезах… Теперь этот человек уверен в собственной смерти. Его ум захватывает социальная иллюзия, что он умирает. Собравшиеся друзья и родственники накладывают на него гипнотические чары, что он вот-вот умрет. Кто-то проверяет у него пульс. Все они убеждают этого человека, что он сейчас умрет, – все, что раньше на его памяти делали с любым умирающим, теперь делают с ним.

Это социальный гипнотизм. Этот человек совершенно убежден, что сейчас умрет, что умирает, что его вот-вот не станет. Этот гипноз смерти заставит его стать бессознательным, испугаться, прийти в ужас; он заставит его сжиматься, чувствовать: «Сейчас я умру, сейчас я умру. Что мне делать?» Побежденный страхом, он закрывает глаза и в этом состоянии страха теряет сознание.

Фактически, потеря сознания – это средство, которое мы применяем против того, чего боимся. Например, у тебя болит живот, и если боль становится невыносимой, ты теряешь сознание. Это только трюк с твоей стороны, чтобы отключить ум, чтобы забыть боль. Когда боль слишком сильна, потеря сознания – это умственный трюк; ты не хочешь больше

страдать от боли. Если боль не проходит, единственная альтернатива – это отключить ум. Человек «отключается», чтобы перестать осознавать боль.

Таким образом, потеря сознания – наш уникальный способ справиться с невыносимой болью. Помните, как бы то ни было, что нет ничего подобного невыносимой боли: вы чувствуете боль только до тех пор, пока она выносима. Как только боль достигает точки, в которой становится невыносимой, ты исчезаешь; поэтому ты никогда не чувствуешь невыносимой боли. Не верьте ни одному слову, если кто-то говорит, что страдает от невыносимой боли, потому что этот человек, говорящий с вами, еще в сознании. Если бы боль была невыносимой, он потерял бы сознание. Сработал бы естественный трюк, и он потерял бы сознание. Как только человек пересекает предел того, что можно терпеть, он падает без сознания.

Даже небольшая болезнь нас пугает, и мы теряем сознание – что говорить об ужасающей мысли о смерти? Сама идея смерти убивает нас! Мы теряем сознание, и в этом бессознательном состоянии случается смерть. Таким образом, когда я называю смерть иллюзией, я не имею в виду иллюзию, которая случается с телом или с душой. Я называю ее социальной иллюзией – которую мы культивируем в каждом человеке с детства. Мы насаждаем в каждом ребенке идею: «Ты умрешь, и смерть происходит так-то и так-то». И к тому времени, как ребенок вырастает, он узнает обо всех симптомах

смерти, и когда эти симптомы оказываются применимыми к нему, он просто закрывает глаза и теряет сознание. Он попадает под гипноз.

Противоположна этому техника активной медитации – техника того, как войти в смерть сознательно. В Тибете эта техника известна как Бардо. Таким же образом, как человека социально «гипнотизируют» в тот момент, когда он умирает, в Бардо умирающему делают антигипнотическое внушение. В Бардо люди собираются вокруг умирающего и в момент смерти говорят ему:

– Ты не умираешь, потому что никто никогда не умирал.

Ему делают антигипнотическое внушение. Никаких слез, никаких рыданий; никто ничего больше не делает. Люди собираются вокруг, и деревенский священник или монах приходит и говорит:

– Ты не умираешь, потому что никто никогда не умирал. Ты уйдешь в расслаблении и полном сознании. Ты не умрешь, потому что никто никогда не умирает.

Человек закрывает глаза, и ему описывают весь процесс: как его жизненная энергия покидает ноги, руки, и теперь он не может говорить, и так далее – и тем не менее, говорят этому человеку, он сам все еще есть, он сохраняется. Эти внушения производятся со всех возможных сторон. Эти внушения – просто антигипноз. Это значит, что они предназначены для того, чтобы убедиться, что человек не схватится за социальную иллюзию, что находится на грани смерти. Бардо

применяют как противоядие, чтобы это предотвратить.

В тот день, когда в этом мире воцарится более здоровое отношение к смерти, Бардо станет ненужным. Но мы – очень нездоровые люди; мы живем под властью иллюзии, и из-за этой иллюзии остается важным противоядие. Каждый раз, когда кто-то умирает, все его близкие должны совершить попытку разбить иллюзию того, что он умирает. Если они смогут удержать этого человека в состоянии бодрствования, если смогут в каждое мгновение ему напоминать…

Когда сознание устраняется из тела, это происходит не сразу; все тело не умирает в одно и то же время. Сознание сжимается вовнутрь, мало-помалу покидая каждую из частей тела. Оно отсоединяется в несколько стадий, и все стадии этого процесса можно перечислить умирающему, чтобы помочь ему остаться в сознании.

Умирал дзэнский мастер. Он созвал к себе монахов и сказал:

– Я хочу кое о чем вас спросить. Подходит мое время, но я не вижу никакого проку в том, чтобы умирать, как все. Все умирают одинаково. Можно немного развлечься. Вот мой вопрос: видели ли вы когда-нибудь, чтобы кто-нибудь умер на ходу?

Монахи ответили:

– Мы сами такого не видели, но слышали об одном мистике, который умер на ходу.

– Значит, это исключается! – сказал Мастер. – Позвольте вас спросить: видели ли вы какого-нибудь мистика, который умер бы, стоя на голове?

– Не только никогда не видели и не слышали, но и не можем вообразить ничего подобного, – сказали они.

– Ладно, – сказал мастер, – значит, так и сделаем.

Он встал на голову и умер.

Толпа вокруг него очень испугалась. Вид трупа сам по себе пугает, но если нужно уложить плашмя труп, стоящий на голове, это еще страшнее. Этот мастер был опасным человеком. То, как он расположил свое тело… он был мертв, но никто не смел его сдвинуть с места или переложить на носилки. Тогда кто-то предложил позвать его старшую сестру, монахиню, жившую в соседнем монастыре. Она была известна тем, что ставила его на место, когда он был непослушным маленьким мальчиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.